

Малые дети — малые заботы

ИЗ ЗАПИСОК ДЕДА

Распятый махаон

Огромная бабочка, приколотая к косяку двери, беспомощно трепыхала черно-желтыми узорчатыми крылышками. Она силилась оторваться, вспорхнуть и поплыть, как кораблик с остроконечными парусами, купаясь в ярком солнечном свете. Но стальная игла намертво распяла ее на доске. Все усилия тщетны. Только пыльца слетает с ее крыльев.

— Дети, эта бабочка называется махаон, — говорит средних лет женщина — воспитательница старшей группы. — Посмотрите, какая она красивая. Какие у нее узоры на крылышках. Как будто черные кружева на желтом фоне.

Струдившиеся вокруг нее ребята не сводят глаз с бабочки. Курносая белокурая девочка спрашивает:

— А почему она так крылышками трепыхает?

Рослый, худощавый мальчик, отведя глаза от бабочки, угрюмо бросает:

— Проткни тебя иголкой насквозь — не так затрепыхаешься...

— Ей больно? Да? — девочка как-то по-новому взглянула на бабочку, и курносый носик вдруг сморщился, глаза заморгали быстро, быстро. — Ей больно! — повторяет девочка, а по щекам уже бегут, догоняя друг друга, слезинки.

Но воспитательница не слышит этого разговора. Положив руку на плечо стоящего рядом чернявого мальчугана, она сообщает:

— Махаона поймал и принес в садик Саша, чтобы показать его вам. Это очень редкая бабочка...

Мальчик резко отстраняется и, глядя в землю, угрюмо произносит, словно оправдываясь:

— Я не хотел его иголкой... Думал показать ребятам и отпустить.

— Вот чудак! — улыбается очень просто и приветливо воспитательница. — Так же его лучше все рассмотрят. Посмотрите, какие длинные и острые у него крылья. А какие усики...

Она говорит даже увлекаясь; она от души старается познакомить своих воспитанников с живой природой. А они стоят мрачные, примолкшие, некоторые отводят глаза от трепещущей на иголке бабочки. Белобрысенькая девочка хлюпает носиком-пуговкой, а слезы уже двумя ручейками бегут по ее румяным щекам.

— Отпустите бабочку! Не мучьте ее! — вдруг раздается звонкий голос рослого мальчика.

Глаза воспитательницы делаются холодными, исчезает улыбка.

— Кузовлев Сережа! Ты опять нарушаешь порядок! — строго произносит она. — Иди сядь на скамейку!

В ответ целый хор голосов:

— Отпустите бабочку! Ей больно! Отпустите!

— Какие вы... — не договорив, воспитательница с досадой рывком выдергивает иголку и уходит в дом.

Искалеченная бабочка падает на асфальт. Она судорожно бьет крыльями, подсакивает и опять падает.

Притихшие ребята стоят кругом, не зная, что делать, как помочь бьющейся в смертельных судорогах красавице бабочке.

Бориска впирается ногтями в мою руку, прижимается ко мне и дрожащим голосом говорит:

— Деда, я не хочу в этот садик. Не хочу!..

Так уж случилось, что Бориске пришлось бросить свой любимый садик, в котором он пробыл три года, и перейти в другой по нашему новому месту жительства. Очень не хотелось расставаться со старым садиком, но таскать каждый день мальчонку через весь город мне не по силам. А Бориска сейчас целиком на моем попечении. Дело в том, что его мама проходит аспирантуру в Москве, папа в постоянных командировках, а бабушка... Бабушка недавно ушла от нас навсегда. Это было первое огромное горе, которое встретилось на пути пятилетнего человека. Теперь ему уже шесть, но первое горе остается в душе, наверное, навсегда.

Бориска мальчишка не плохой, но далеко не «идеальное дитя». Он правдив, добр, общителен, но характер у него не находка для воспитателей. Если вообще у дошкольников эмоциональность преобладает над рассудком, то у Бориски это особенно наглядно. Поступки его импульсивны, его ничего не стоит «завести», вовлечь в любую шалость; ни минуты он не может находиться в бездействии. С такими ребятами, несмотря на многие их положительные качества, воспитателю нелегко.

И вот со всеми нашими бедами пришли мы в новый садик и сразу столкнулись...
...с распятым махаоном.

Вырвавшийся из души крик: «Я не хочу в этот садик!» — остался воплем в пустыне. А что делать? Не вольны мы выбирать садик по душе. Большое счастье, что удалось устроиться сюда.

С неохотой, как на тяжкую повинность, выходил из дома каждое утро мой Бориска...

Сереза Кузовлев

Эсфирь Семеновна — новая Борискина воспитательница — женщина серьезная, со строгим, требовательным взглядом, говорила, стоя на верхней ступеньке крыльца и глядя на меня сверху вниз:

— Ваш Боря завел дружбу с этим Кузовлевым. Добра от этого не будет. Я предупреждаю вас! Я предупреждала и Борю, но он, как видно, не приучен у вас слушаться старших. — Воспитательница глянула на меня таким уничтожающим взглядом, что я почувствовал себя не больше чем ровесником Бориски. Но все же набрался смелости и спросил:

— А почему, собственно, нельзя дружить с Кузовлевым?

— Потому что это вконец испорченный мальчишка! Он не признает ничего, делает назло воспитателям, грубит. Мы запрещаем детям общаться с ним. Кузовлев — наше наказание! К счастью, осенью его возьмут в интернат.

— И давно он у вас? Давно вы с ним мучаетесь?

— Уже четыре года. Дернуло же меня за язык!

— Получается — педагогический брак?

— Что значит — педагогический брак? — глаза Эсфири Семеновны обдали меня арктическим холодом. — У него такая семья. Ему не уделяют никакого внимания. Он там просто никому не нужен.

Если и учат, то только плохому. Это, безусловно, трудный ребенок.

— Может быть, — попытался возразить я — тем ответственнее задача воспитательного учреждения — противопоставить свое влияние вредному влиянию

семьи? И не рано ли семилетнего ребенка относить в разряд трудных?

— Мы говорим о вашем Боре. С Кузовлевым мы уж сами разберемся,— оборвала меня воспитательница.— Я настоятельно требую, чтобы ваш Боря не дружил с этим Кузовлевым. Ведь дело дошло до того, что Борис дает деньги на кино этому Кузовлеву. Интересно, где он их взял? Утащил из дома по наущению Кузовлева?

— Деньги для Кузовлева Борису дал я,— пришлось мне признаться под уничтожающим взглядом воспитательницы...

Было такое. Однажды вечером по пути из садика Бориска оживленно сообщил:

— Деда, мы завтра пойдем в кино мультики смотреть. Надо принести в садик десять копеек.— Бориска запнулся и несмело добавил:—Только, деда, ты мне дай два раза по десять копеек...

— Зачем?

— Я за Сережу Кузовлева отдам. Ему дома не дают, и в прошлый раз его в кино не взяли. Мы ходили, а он один сидел в группе.

Конечно, я дал Бориске два раза по десять копеек. Нет, и после разговора с воспитательницей я не взял греха на душу — не запретил Бориске водиться с Сережей. Только спросил:

— Ты играешь с Сережей? Он хороший мальчик?

— Хороший! — твердо, немного с вызовом ответил Бориска.— Знаешь, какие он города из песка строит? А голубей из бумаги делает? Его голуби дальше всех летят. Только с ним никто не играет. Он все время один. Он говорит, что дома мама его бьет, а в садике наказывают. Он в прошлом году побил девчонку-ябедницу, а Эсфирь Семеновна за это заставила его снять трусы и в одной рубашке на целый день отправила в младшую группу. С тех пор он ее ненавидит и все делает ей назло.

— А разве хорошо делать воспитательнице назло?

— Не знаю,— пожал плечами Бориска.— Только Сережа очень хороший: он добрый и с ним интересно. Тогда он первый закричал, чтобы не мучали бабочку. Потом мы с ним ее похоронили...

Есть у ребят какое-то свое чувство в распознавании людей. Вот Бориска — он очень общителен, всегда готов дружить и все же с первой встречи к одному потянется, к другому останется равнодушным, а третьего совсем не примет. И ведь редко малыш ошибется в своих симпатиях и антипатиях...

Нет, не стал я запрещать Бориске дружить с Сережей. Думаю, что и тому, и другому эта дружба могла пойти впрок, но, к сожалению, Сережку, действительно, вскоре приняли в интернат. Бориска долго его вспоминал.

Буду делать назло!

Только успел я войти во двор садика, как навстречу мне бросилась девчушка с задранной вверх косичкой.

— А вашего Борю сегодня наказали!

Сказала — и сразу юркнула в кусты. На смену ей появилась другая, высоконькая, с недостающими передними зубами и пришепетывая сообщила:

— Вашего Борю наказали. Он к нам в туалет заглянул.

Час от часу не легче!

Все же я спросил девчушку:

— Это очень плохо. А ябедничать, ты думаешь, лучше?

Она не ответила. Только передернула плечиком и пошла прочь. А навстречу мне уже бежал Бориска.

— Деда, я сегодня заглянул в туалет к девочкам, и меня наказали,— выпалил он одним духом.

Одну житейскую истину Бориска уже усвоил крепко: спешу о своих

«преступлениях» сообщить первым, пока тебя не опередили ябедники. Ведь «за признание — половина наказания». Впрочем, даже не в этом дело: он просто еще не научился врать и лицемерить, вероятно, потому, что нужды в этом не было. Вот и сейчас он поспешил мне первым сказать о происшествии. Но сказал это как-то вызывающе, даже зло, чего я никогда не замечал в нем — мальчишке добродушном и жизнерадостном.

Не успел я выяснить у Бориски подробности, как подошла воспитательница. Не Эсфирь Семеновна, а вторая — Татьяна Сергеевна — еще совсем молодая, почти девочка, видимо, только-только начинающая свою практику педагога.

— Ваш Борис допустил безобразный проступок — заглянул в туалет к девочкам,— произнесла она ледяным тоном, навверное, перенятым от старшей воспитательницы. Глядела она на меня тоже сверху вниз, несмотря на то, что ростом была головы на две ниже меня.— Вся группа осудила его поступок, и я его строго наказала.

— Наказать, вероятно, надо, но...— позволил я себе усомниться. — ... надо ли этот проступок предавать, так сказать, широкой гласности? Может быть, следовало с ним поговорить отдельно? Строго поговорить...

— Вот мы и поговорили,— решительно пресекла дедовские сомнения воспитательница.— У нас коллектив,— подчеркнула она голосом,— и нечего от коллектива прятать дурные поступки. А он, знаете... Знаете, что сказал? Он сказал: «Назло буду делать!»

«Дитя мое!— хотелось мне сказать этой девочке,— коллектив, если он у вас есть, если он сложился,— великая сила, пользоваться которой надо очень осмотрительно. Есть вещи, которые не следует выносить на обсуждение коллектива. Ведь озлобить шестилетнего мальчишку, заставить его делать «назло» очень легко, а это первый шаг в «трудные».

А Бориска прижался к моей ноге, опустил покрасневшее лицо и вздрагивал всем телом. Мне даже казалось, что я слышу, как трепыхается его сердчишко... как крылья распятого махаона...

Я ничего не сказал воспитательнице из того, о чем думал, только пообещал:

— Я серьезно поговорю с Борисом.

Наверное, под влиянием строгого взгляда воспитательницы всю дорогу домой я пилил Бориску за его поступок.

Бориска угрюмо молчал. Вплоть до дома не произнес ни слова. А дома разревелся. Упал на диван и всхлипывая, захлебываясь, горько-горько плакал. Наконец, пересилив рыдания, он выкрикнул:

— Они меня не любят! Никто не любит! Ты тоже не любишь...

Я сел около него, положил руку на его растрепанную голову и как можно спокойнее сказал:

— Перестань реветь! Что это за истерика? Давай-ка обсудим все по порядку.

Рыдания прекратились. Но лицом ко мне Бориска не повернулся. Вздрагивающим голосом он произнес:

— В этом садике все подсматривают. Девчонки тоже за мальчишками подсматривают, а наябедничали на меня. Только меня наказали. Я целый час стоял на стуле посреди спальни, когда другие в постелях лежали. А девчонки все ябедницы. Ябедницы! Вот!

Пожалуй, в какой-то мере Бориска прав. В старом садике этого не бывало, а здесь, только войдешь, как одна-две бегут навстречу и с какими-то злорадно-счастливыми лицами спешат сообщить, что Бориска провинился, что Бориску наказали. В старом садике это больше чем не поощрялось, а здесь? Здесь общительный Бориска трудно, очень трудно входит в коллектив. Да полно! Есть ли здесь коллектив-то? Несмотря на заверения воспитательницы, я почему-то сомневаюсь в этом...

Бориска меж тем рывком поднялся, сел около меня и, заглядывая в глаза, спросил:

— Деда, а почему мальчики и девочки должны ходить в разные туалеты? Почему? Я хотел узнать — потому и заглянул...

Вот и отвечай шестилетнему мальчишке на это, в конечном счете, законное «почему?»...

Чего больше в Борискином проступке: мальчишеского озорства или любопытства, идущего от желания познать окружающий мир?

Признаюсь, дожил до старости, но как ответить на эти вопросы, не знаю. Знаю твердо только одно: здесь в любом случае ничего не достигнешь окриком, наказанием, особенно «общественной проработкой», способными только усилить нездоровый интерес ребенка к скрытым от него сторонам жизни...

Урок несправедливости

Трудно узнать Бориску, когда он возвращается из садика: мрачен, неразговорчив, даже, что уж совсем на него не похоже, озлоблен. Но придя домой, быстро становится самим собой: опять весел, жизнерадостен, готов до бесконечности «смешиться». Он кормит рыбок в аквариуме, поливает мои любимые «колюки», как он все еще называет кактусы.

Утром — опять мрачнеет. Нехотя одевается, собирается в садик. Он знает, что идти все равно придется и все-таки каждый день делает попытки остаться дома. Нет, он не требует, не капризничает, не ревет, а только, заглядывая в глаза, просит:

— Деда, можно я останусь сегодня? Только сегодня. Ну можно? Я не буду тебе мешать работать. Я весь день тут вот в уголке буду сидеть и рисовать, потом лепить из пластика. Я совсем-совсем тебе не помешаю. Ну, деда! Ну, можно?

Но я-то знаю, что так не будет: Борискиной усидчивости хватит на час, два. И мы идем. Бориска ничего не говорит, но я чувствую, как он опять мрачнеет, глазенки смотрят недобро.

Мечта Бориски — заболеть, чтобы поднялась температура: можно будет не идти в садик, а сидеть дома. В прошлом году этого не было: Бориска с удовольствием оставался дома, но и в садик шел охотно. Неоднократно я пытаюсь выяснить, в чем дело. Почему Бориску так тяготит садик? В ответ на мои вопросы короткий ответ:

— Плохо там...

— Чем же плохо?

— Всем.

Бориска явно не хочет разговаривать на эту тему, но я не отступаю:

— Так, что же в садике такое, что тебе не хочется туда идти?

— Девчонки — ябедницы...

Вот и все, чего я мог добиться.

Но вскоре произошел крупный разговор с Эсфирью Семеновной. Началось с того, что Бориска сообщил:

— Эсфирь Семеновна сказала, чтобы я завтра не приходил в садик, если не принесу мамин адрес.

— Зачем?— удивился я.

— Она напишет маме, что я плохо себя веду.

— Почему же она не скажет об этом мне?

— Не знаю,— пожал плечами Бориска.

— А ты действительно ведешь себя плохо?

— Не знаю... Наверное...

На мой вопрос, зачем ей понадобился адрес дочери, Эсфирь Семеновна обдала меня недобрый взглядом:

— Я напишу ей, что ее ребенок ведет себя возмутительно. Это окончательно испорченный мальчик.

Вот тебе раз! Бориска «окончательно испорченный»?

— Зачем же надо писать матери? Она занята серьезной работой — заканчивает диссертацию. Почему не сказать об этом мне?

Эсфирь Семеновна одарила меня взглядом холодного презрения.

— Я просто вижу, что мальчик за последний месяц безнадзорен, с ним не работают дома...

— Простите,— позволил себе возразить я,— но дома он в бодрствующем состоянии находится всего два часа, а в садике почти двенадцать...

— Ну и что? Вы хотите сказать, что садик плох? Вот я и считаю, что у нас с вами нет контакта.

— Но в чем же конкретно провинился Борис?

— Он обижает девочек...

Да, Бориска мне рассказывал, что они воюют с девочками, что у них есть «тайный пароль против девчонок», что они устраивают девчатам ловушки. Я сказал ему тогда, что с девочками нужно играть дружно, а не заводить с ними войну. Но, по правде сказать, не придавал этому разговору особого значения. А тут вон как повернулось!

— Мало того, что он сам обижает девочек, он настроил всех мальчиков против них. Он верховодит мальчиками...

— Но, простите, раньше...

Я хотел сказать, что раньше нас несколько расстраивало место Бориски в коллективе детей: он никогда не проявлял попыток руководить, возглавлять, а всегда был руководимым, в любом озорстве он был не инициатором, а исполнителем и чаще всего — ответчиком, так как не умел из-за своей правдивости выйти сухим из воды.

Но Эсфирь Семеновна мне договорить не дала. Вероятно, ее, принявшую на себя ответственность за воспитание, формирование души ребенка, совсем не интересовала история развития характера этого ребенка.

— Меня не интересует, что было раньше. Я вижу, что есть сейчас. Он дошел до того, что когда ему говоришь, делаешь замечание — он смотрит в глаза и ухмыляется.

Вот это уже страшно! Много хуже, чем сказанное в запальчивости: «буду делать назло!». Это действительно крупный шаг в разряд «трудных». Ведь сколько мы встречаем подростков, которые только нагло усмеваются на замечание взрослого. Но ведь это защитный панцирь своего маленького «я» против частого, бездушия взрослых. Постепенно эта защита перерастает в свойство характера, превращается в наглость, грубость, бездушие по отношению к другим, и готов «трудный подросток».

Нет, я не возмущался, не спорил, чтобы не испортить жизнь внука вконец. Говорил я с полным уважением, почти елейно:

— Для меня это неожиданно. Я не знаю, что делать. Посоветуйте, как опытный специалист дошкольного воспитания. Может быть, мне его выпороть? Тогда контакт у нас наладится...

Ничего не дошло до моей строгой собеседницы. Она даже более благосклонно взглянула на меня.

— Наказать, конечно, надо. И поговорить с ним следует серьезно.

— Хорошо, я поговорю,— покорно согласился я.

Наказать! Выпороть! Снять штаны и отправить в младшую группу! В наказаниях — сила воспитания! Без наказания не вырастишь ребенка! Декларируют старички-пенсионеры в газетных заметках по поводу борьбы с «распущенностью подрастающего поколения». И лезет из этих воплей мурло старого, ненавистного. Зачем себя утруждать кропотливым воспитанием положительных качеств, формированием души Человека, если есть в руках ремень? Главное — привить страх — он способствует примерному поведению. Что им до человеческого достоинства я ранимой души ребенка, особенно подростка!

Можно ли воспитать добром? Можно! Тысячу раз повторю — можно! Можно, если

не снижать при этом разумной, настойчивой требовательности. Тихо признаюсь — и наказать иногда можно и нужно, но не оскорблять при этом человеческого достоинства ребенка.

Бориска по небрежности разбил за столом красивую сервизную чашку. Его не били, даже не ругали, просто мама налила ему чай в старую облезлую кухонную чашку, и Бориска принял это как должное. Накрывая на стол, он ставил себе эту чашку, так как это было справедливо, но к посуде стал относиться гораздо бережнее.

Человеческое достоинство — вот главное, что делает человека Человеком. Это чувство у ребенка появляется очень рано. Может быть, в три, а может, и в два года ребенок начинает считать себя человеком и доступными ему способами борется за признание себя окружающими. И сколько здесь надо внимания и такта, чтобы, с одной стороны, не подавить этого чувства, не вырастить или безвольное, не умеющее постоять за себя, или озлобленное на всех окружающих существо, а с другой — чтобы чувство человеческого достоинства не переродилось в чувство только собственного достоинства, в эгоцентризм, когда «Я» становится превыше всего. Последнее, как правило, результат потакания любым капризам, отсутствие разумной требовательности. Причина первого — прежде всего — неразумные и жестокие наказания. Чего могут достигнуть, кроме ожесточения, порка ремнем, издевательство над человеческим достоинством, вроде того, как снять с семилетнего мальчика трусы и отправить его на потеху малышам или на виду у всех раздетым поставить на стул посреди спальни? Только ответное ожесточение, только «буду делать назло», только наглую усмешку. А поступок рождает привычку, привычка рождает характер. Вот так и создаются «трудные дети», не что иное, как педагогический брак, основа которого нередко закладывается еще в детском садике.

Конечно, в очень многих случаях виновата семья. Да, пока не каждая семья способна дать ребенку правильное воспитание. Больше того, есть еще семьи, которые калечат детские души. Так не обязанность ли воспитательного учреждения, оснащенного педагогическим опытом, противопоставить тлетворному влиянию плохой семьи свое более сильное, научно обоснованное воздействие на ребенка?

Нет, я не хочу, чтобы мой Бориска попал в разряд трудных!

Разумеется, я не стал, с молчаливого согласия воспитательницы, его пороть, но разговор мы имели большой и серьезный. Мрачно отвернувшись и удрученно вздохнув, Бориска дал мне «пречестное» слово вести себя хорошо, не драться с девочками и не грубить воспитателям.

Каждый день Бориска должен был подробно докладывать, как он вел себя, что делал в садике, за что был наказан. Каждый вечер, приходя за ним, я спрашивал воспитательницу, какие есть к нему претензии, и неизменно слышал в ответ: «Ничего, все нормально». Но настроение у Бориски не улучшалось. Так же по утрам он с огромной неохотой шел в садик, в поведении к несвойственной ему мрачности добавилась какая-то замкнутость, нервозность.

Через неделю, примерно, пришел я вечером за Бориской и увидел его рожицу исцарапанной. Две глубокие царапины, покрытые запекшейся кровью, протянулись от правого глаза до уголка губ.

— Бориска, что это такое?

— Так, ничего...— неохотно ответил он.— Девчонка одна царапнула ногтями. Пойдем домой.

Бориска явно не хотел распространяться на этот счет. Но я не отступил, и когда мы вышли на улицу, потребовал:

— Говори, Борис, честно: что ты ей сделал? Почему она тебя так разукрасила?

— Ничего я ей не делал. Я в песке играл, а она подошла и царапнула.

— Ни с того ни с сего? Так, Борис, не бывает.

— Бывает,— уверенно сказал мальчуган.

— Воспитательнице ты показал свое украшение?

— Я не ябедник,— буркнул Бориска.— Я сразу спрятался за павильон.

— Зачем?

— Чтобы йодом не мазали.

В этом я Бориске сразу поверил: чего-чего, а йода он как огня боится. Впрочем, в правдивости Бориски у меня нет оснований сомневаться: он может что-то не сказать, но не может, просто не умеет соврать.

Вероятно, на этом и кончился бы наш разговор — ну, поцарапались ребята — с кем не бывает,— сегодня поцарапались, завтра помирятся,— если бы не наша соседка по квартире. Ее мы нагнали, подходя к дому. Посмотрела она на Борискино лицо и покачала головой:

— Ой, Бориска, Бориска, теперь исцарапанный! К нам иногда заходит из вашей группы Анечка Шумилова. Она девочка скромная, выдержанная и каждый раз рассказывает, что тебя наказали, что ты всегда хулиганишь.

С Бориской произошло что-то невообразимое. Едва женщина назвала девочку, Бориска вздрогнул, как от удара, и остановился на месте. Потом с неистовой злостью посмотрел на женщину, затопал ногами в ярости и закричал:

— Плохая она! Плохая ваша Анечка! Хуже ее нет!

И прижавшись ко мне, разразился рыданиями.

Это была форменная истерика. Дома я едва успокоил его, отпоил водой. Немного придя в себя, он рассказал мне все, что почти месяц мучило его.

— Почему же ты мне раньше ничего об этом не говорил?

— Я не ябедник,— повторил Бориска. А произошло вот что.

Бориска любит маму, отца, меня, но дороже всего ему память о бабушке. Надо сказать, в доме у нас установился своеобразный культ умершей бабушки, человека большой души, уважаемого многими людьми. И для Бориски память о бабушке святая святых. Вообще, у ребят в обычае хвалиться своими родными. Когда-то в садике Бориска хвалился, что его папа такой высокий и сильный, что может снять крышу с дома. А здесь он просто сказал ребятам, что его бабушка «самая, самая лучшая».

И вдруг девочка,— потом Бориска показал ее мне: с кукольным личиком, с капроновым бантом в волосах, с кроваво-наманикюрными коготками, с сережками в ушах,— пренебрежительно фыркнув, заявила: «Твоя бабушка вовсе дрянь, а дедушка дурак!». Допускаю, что девчонка сама испугалась, взглянув в этот момент на Бориску, а может, это была неоднократно проверенная провокация, но так или иначе, не успел Бориска активно отреагировать на ее слова, девочка с истошным криком: «Борька дерется!» бросилась под защиту воспитательницы. Да, Бориска был в таком состоянии, что мог побить. И наказан был опять же Бориска. Воспитательница не стала вникать в существо конфликта, она видела, в каком состоянии был мальчик, ей буквально пришлось держать его за руки.

До конца дня Бориска просидел один в игровой комнате, один на один с жестокой обидой, с чувством огромной несправедливости.

Зато Анечка хорошо поняла, что Бориска «заводной», и мальчишке не стало от нее жизни. Да, она ходит в примерных, она любимица воспитательницы. В дополнение к своей внешности она твердо усвоила обывательский закон: причиняй другому боль и получай от этого наслаждение, только делай это так, чтобы к тебе нельзя было придраться. Она незаметно подходила к играющему Бориске и пребольно щипала его, но прежде, чем он успевал отпустить ей вполне заслуженный тумак, она уже с ревом бежала к воспитательнице: «Борька опять дерется!». За столом, едва воспитательница отвернется, она бросала ему в тарелку кусок хлеба и суп летел Бориске в лицо, а девчонка кричала: «Борька опять безобразничает! Обрызгал меня!». С удивительной изощренностью она преследовала мальчишку, и на него сыпались и сыпались наказания, взвинчивая и озлобляя его. Из-за нее он возненавидел всех девочек и старался им насолить. Обилие наказаний привело к тому, что он стал к ним равнодушен, а выговоры встречал с наглой

ухмылкой.

Теперь я вспомнил: ведь Бориска говорил мне об этом раньше. Как-то, придя из садика, неуверенно, боясь наябедничать, он сообщил: «Одна девочка плохо про бабушку сказала. И про тебя тоже, что ты... Плохое сказала». А я не вник в то, что до глубины души взволновало, оскорбило маленького человека, и равнодушно ответил: «Мало ли кто какую глупость может сказать, а ты не обращай внимания». И забыл об этом разговоре.

Как часто мы считаем пустяком большое, волнующее наших малышей, тоже могущих чувствовать и порой куда тоньше нас с нашей огрубелой, задубленной жизнью шкурой!

Вот так и попал мой Бориска почти что в «трудные».

А после того серьезного разговора, когда он дал мне «пречестное» слово, сколько ему нужно было проявить выдержки и разумности, чтобы не нарушить этого слова, чтобы вечером я мог услышать от воспитательницы: «Сегодня все нормально».

И опять — как часто мы требуем обещания «больше так не делать», требуем честного слова вести себя хорошо, не поинтересовавшись, в состоянии ли ребенок «больше так не делать», не помогаем ему сдержать данное слово.

— Деда, я слово выполнял,— говорил Бориска, прижавшись ко мне на диване — месте постоянных наших бесед по душам.— Я с девочками не дрался. Когда Анечка рожу строила — я отворачивался, когда щипалась или толкалась — уходил в другое место. Ни разу не толкнул ее, не ударил...

Сколько же нужно было этому человечку, с его непосредственностью, проявить терпения и самообладания, чтобы сдержать свое слово! А может быть, и в этом есть свое положительное — закалка золи, выработка характера?

— А сегодня мы с Юриком,— продолжал Бориска,— строили из песка крепость, Анечка подошла сзади и пнула меня ногой. Я повернулся к ней. Ничего даже, деда, не сказал ей, а она сразу вцепилась мне в лицо ногтями.

— Ну, и что?

— Ничего... Я спрятался.

— А воспитательница видела, что ты исцарапан? Спросила, откуда это у тебя?

— Я не сказал. Мальчики ей объяснили, что это Анечка исцарапала. А она говорит: «Так ему и правильно — пускай не дерется». Потом...— Бориска помрачнел и нервно передернул губами.— Когда полдник, у Анечки и еще у одной девочки был день рождения. Всем торт давали, а мне и Юрику по кусочку черного хлеба...

— Почему?

— Не знаю...— вздохнул Бориска. — Я после обеда не спал. Щека болела. И потом — я уснуть никак не мог, и мы с Юриком болтали. Вот нас и наказали...

Я не люблю вставать на защиту собственного внука — пускай сам решает свои дела и принимает жизнь такой, какова она есть. Действительно, весьма неприглядно, когда мамы устраивают воспитателям скандалы по поводу любой царапины, по поводу любой детской ссоры, считая своего ребенка обязательно правым. Но в данном случае я счел необходимым все, что узнал от Бориски, пересказать Эсфири Семеновне. И должен сказать, выслушав меня, она искренне взволновалась.

Позабыв свой всегдашний тон превосходства, она пообещала.

— Я обращаю внимание. Я этого не знала. Я обязательно приму меры...

Да, она могла не знать, могла не заметить всех тонкостей во взаимоотношениях детей. И обвинить ее нельзя, если на ее попечении сорок таких вот Борисок, и каждый со своим характером, со своими, только ему присущими качествами.

Не знаю, какие меры приняла Эсфирь Семеновна, но положение изменилось. Уже через три дня Бориска сообщил:

— Я теперь со всеми девочками играю. А Анечка все время ко мне лезет: «Боречка, Боречка». И я ее не бью.

А еще через день Бориска ошаршил меня вопросом:

— Деда, а когда женятся, обязательно надо целоваться?

Несколько растерявшийся дед проямлил не весьма вразумительно:

— Ну, видишь ли, это кто как хочет... Тебе-то что до этого?

— У нас девочки все время играют в свадьбу. Анечка сказала, что она на мне будет жениться и обязательно надо целоваться...

Ох, уж эта Анечка! Да собственно, не Анечка, а среда, в которой она растет...

Да, не так-то прост мир детских взаимоотношений, когда формируются характеры, когда начинают выявляться черты общности и противоречий, когда неокрепшие характеры сталкиваются и столкновения эти усугубляются различными влияниями семьи, двора, положительными и уродливыми. Как разобраться маленькому человечку во всем этом? Как безошибочно определить для себя, что такое хорошо, что такое плохо?

Сейчас Бориска ходит в первый класс. Он влюблен в свою «самую лучшую» школу, в свою «самую лучшую» учительницу Нэлли Михайловну. Нет, «идеальным ребенком» он все-таки не стал, и забот учительнице своей неусидчивостью, непосредственностью доставляет немало. Но и к «трудным» его никто не пытается отнести: в полугодовом табеле у него среди пятерок замешалась всего одна четверка, ребята избрали его командиром октябрятской звездочки, и Бориска страшно гордится этим...

Да не обидятся на меня воспитатели детских садов, в большинстве своем отдающие все тепло души нашим детям и внукам. Признаю: их труд — подвиг. Этими, может быть, несколько односторонними заметками я хочу только просить: всегда, во всем уважайте человеческое достоинство малышей. Не забудьте — им жить при коммунизме!

В. ПЕТРОВ.